

В ОЖИДАНИИ ШВЕДСКОГО НАШЕСТВИЯ. НАЧАЛЬНИК РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ Я. В. БРЮС В 1707-м ГОДУ

В Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится обширное эпистолярное наследие выдающегося военного и государственного деятеля России, дипломата и ученого, ближайшего сподвижника Петра Великого, генерал-фельдцейхмейстера русской армии Якова Вилимовича Брюса (1669–1735).

Эти письма, адресованные различным корреспондентам, являются ценнейшим историческим источником, освещающим главнейшие события Северной войны (1700–1721). Они содержат богатый материал и достаточно представительно отражают различные стороны жизни как молодой регулярной армии Петра I, так и государства в целом. Это было время поисков новых образцов и видов вооружения, согласно требованиям военного времени и меняющейся тактики артиллерии, организационно-правовых норм, соответствующих социально-экономической и политической ситуации.

В течение нескольких лет ведется работа по подготовке и изданию «Архива генерал-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса». В свет вышли два тома издания, охватывающие 1704–1706 гг. В настоящее время к печати подготовлен третий том (1707 г.). В ходе проведенного исследования биография Я. В. Брюса пополнилась новыми реалиями, которым и посвящена настоящая статья.

Я. В. Брюс.
Гравюра И. М. Бернигерота.
После 1711 г.

* * * *

«В розных походах и путях»

Практически во всех исследованиях, посвященных Северной войне, описание событий 1707 г. укладывается в пару абзацев¹. Однако за внешней непримечательностью этого года перед предыдущим (Калишская победа) и последующими (сражение при Лесной, 1708; Полтавская баталия, 1709) события, которыми он был наполнен, имели огромное значение для последующей истории России.

«1707 год в истории России ничем не примечателен. Военные действия не велись, крепости не осаждались. Внутренняя жизнь страны тоже не ознаменовалась какими-либо существенными событиями – ни социальных, ни административных, ни финансовых, ни экономических изменений не произошло. Этот год был годом, так сказать, черновой работы, быть может, неброской и сиюминутной, но крайне необходимой, ибо этой работой закладывался фундамент будущих побед», – пишет один из современных биографов Петра Великого².

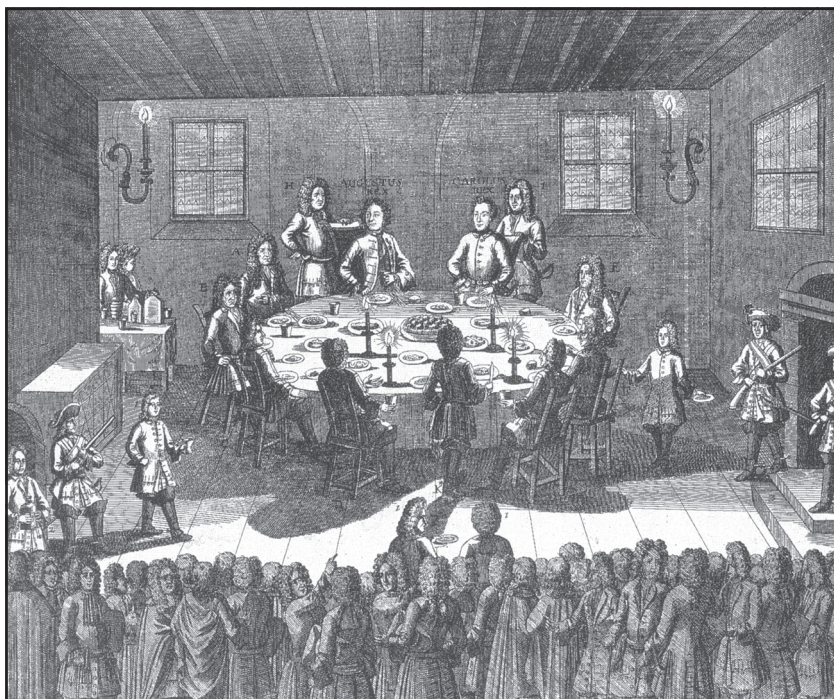
Осенью 1706 г. положение России и ее единственного оставшегося союзника – польского короля и саксонского курфюрста Августа II Сильного оказалось чрезвычайно трудным. Шведская армия во главе с королем Карлом XII после неудачных попыток уничтожить польско-саксонскую армию на территории Польши вторглась в Саксонию. Август II вынужден был заключить со Швецией позорный Альбранштаттский мирный договор (24 сентября 1706 г.), по которому расторгал союз с Россией и отказывался от польской короны в пользу шведского ставленника Станислава Лещинского³.

Август II Сильный. Художник
Л. Де Сильвестр. 1721 г.

Договор долгое время сохранялся в тайне. Петр I, ничего не зная о нем, отправил в Польшу 17-тысячный корпус А. Д. Меншикова, который соединился с войсками Августа II для атаки шведского корпуса А.-А. Мардефельда. Напрасно Август просил шведского генерала не принимать сражения. Мардефельд, как и Меншиков, не знал о подписанном договоре. 18 октября 1706 г. шведы были разбиты русско-польско-саксонской армией под Калишем.

Калишская победа во многом меняла стратегическую обстановку. Однако

Август II Сильный и Карл XII ужинают после заключения Альтранштадтского мирного договора. Гравюра первой четверти XVIII в.

Август ею не воспользовался и официально объявил о заключении мира с Карлом XII. Измена Августа стала тяжелым ударом для России. «Сия война над нами одними осталась; того ради ничто так не надлежит хранить, яко границы, дабы неприятель или силою, а паче лукавым обманом не впал»⁴, – писал Петр I генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину.

Петр готовил страну к обороне, однако не исключал и возможности заключения мира со Швецией. Царь обратился к правительствам Англии, Франции, Австрии и Голландии с просьбами о посредничестве. Он готов был уступить большую часть завоеванных земель (за исключением Санкт-Петербурга и побережья Финского залива).

Западноевропейские державы, продолжавшие войну за «испанское наследство», не были заинтересованы в прекращении войны между Россией и Швецией. Более всего они опасались изменения баланса сил за счет присоединения Карла XII после заключения мира с Петром I к антигабсбургскому союзу.

В результате открытого вмешательства Карла XII во внутренние

Петр I. Неизвестный
художник начала XVIII в.

имперские дела (восстановление прав силезских протестантов) общее впечатление было таково, что король идет на явный конфликт с императором Иосифом I. Опасность усугублялась тем, что вождь венгерских повстанцев Ференц II Ракоци временно восстановил независимость Венгрии от Габсбургов, а французская армия была готова прорваться через Рейн к шведам в Саксонию. Угроза шведской и французской гегемонии в различных частях Европы становилась реальностью. В этих условиях европейские дипломаты антифранцузского Великого союза (Австрия, Англия и Голландия) убеждали шведского короля начать поход на Россию⁵.

Впрочем, и сами шведы не стремились к мирному урегулированию дел на Востоке. Карл XII заявлял, что будет говорить с царем о мире только в Москве, взыскав с него 30 миллионов талеров контрибуции. Шведские министры открыто заявляли, что их король намерен свергнуть русского государя с престола, уничтожить регулярную армию и разделить Россию на мелкие княжества. Русский Север, Новгород и Псков должны были отойти под власть шведской короны, Украина и Смоленск – к Польше под власть Станислава Лещинского.

Русские военачальники и дипломаты, находившиеся во Львове и в Жолкве (ныне г. Нестеров Львовской области на Украине), просили Петра I ускорить свой приезд для непосредственных контактов с руководителями Речи Посполитой и выработке стратегического плана дальнейших действий. Царь прибыл в Жолкву 28 декабря 1706 г., и уже в начале января 1707 г. начались интенсивные переговоры путем переписки и личных встреч с руководителями антишведской Сандомирской конфедерации (1702–1717) – великим коронным гетманом А.-Н. Сенявским, польским коронным гетманом Г. Огинским, примасом С. Шембеком и др.⁶

Сандомирская конфедерация оставалась единственным союзником Петра I в самое тяжелое время Северной войны. Во главе ее стоял А.-Н. Сенявский – глава независимого правительства, вооруженных сил и распорядитель финансов. В январе сандомиряне объявили междуцарствие и подтвердили союз с Россией, заключенный в 1704 г.

Я. В. Брюс приехал в Жолкву, где находился Петр I, в середине января 1707 г. и пребывал там до начала мая. «Вестей здесь (в Жолкве. – С. Е., Л. М.) никаких нет, токмо что сего часа присланы из Львова на латынском языке статьи, на которых король Август с шведами помирился. Только еще невозможно ведать, что в оных содержитца, доколе будут переведены. А когда переведены будут, то и к вашему высокородию пришлютца»⁷, – писал 15 января 1707 г. Я. В. Брюс генерал-фельдмаршалу Б. П. Шереметеву.

Понимая необходимость обучения солдат в мирное время, Я. В. Брюс доложил Петру I о потребности выделения пороха для занятий по стрелковой подготовке. В письме от 29 января начальник артиллерии сообщал: «Царскому Величеству о пороху я докладывал, и по оному приказал, что пороху на всякой баталион для учения по 10 пудов будет довольно, только бы учить солдат, в цель дабы стреляли пулями, а тот, которой ныне в патронах обретаецца, беречь»⁸.

В это время в Жолкву съехались А. Д. Меншиков, Б. П. Шереметев, Н. И. Репнин, Л.-Н. Аларт и другие генералы. Широкое военное совещание состоялось в апреле. Главный вопрос, который на нем рассматривался, и по поводу которого Петр I консультировался с руководителями Сандомирской конфедерации, был вопрос о военных действиях в случае шведского нашествия. В первой редакции «Истории Свейской войны», над которой работал сам царь, сохранилась запись: «В Жолкве был генеральный совет, что давать ли с неприятелем баталию в Польше или при своих границах, где положено, чтоб в Польше не делать, понеже, ежели б какое несчастье учинилась, то б трудно иметь ретираду. И для того положено давать баталию в своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет. А в Польше и на переправах и партиями, также оголожением провианту и фуражу, томить неприятеля, к сему и польские сенаторы многие совет свой давали»⁹.

Кратко изложим основные положения Жолковского стратегического плана, ибо в его реализации в дальнейшем активное участие принимал Я. В. Брюс. По мнению ряда исследователей это был план «активной защиты»¹⁰.

Военные действия были рассчитаны на использование глубины театра военных действий и имели своей задачей измотать противника. Для этого планировалось вести «малую войну» силами кавалерии и мобильных отрядов – «корволантов», закрыть шведам важнейшие коммуникации и нанести решающий удар, «когда для того необходимая нужда будет». Для противодействия шведам планировалось доукомплектовать, обучить и перевооружить армию.

Рассматривались два возможных театра военных действий – севе-

ро-западный (направление Минск – Борисов) и юго-западный (направление Вольнь – Киев), в зависимости от того, куда будут наступать шведские войска. На этих направлениях принимались меры, чтобы лишить противника провианта и фуража. Согласно плану предполагалось укрепить и вооружить новой артиллерией крепости Киева, Смоленска, Москвы, Пскова и других городов. Петр I разослал во все города, расположенные в полосе «от границы 200 верст поперек, а в длину от Пскова через Смоленск до Черкасских (украинских. – С. Е., Л. М.) городов», приказ, чтобы жители этих городов «от прихода неприятельского были во всякой осторожности и опасении»¹¹.

Выполнению Жолковского плана должны были способствовать возобновление союзного договора с Польшей и участие в военных действиях против шведов польской коронной и литовской армий¹².

На реализацию плана и были направлены основные усилия как самого Петра I, так и его ближайших сподвижников.

1707 г. стал годом тревожного ожидания шведского нашествия и подготовки страны к отпору врагу. В непростой напряженной ситуации, когда сигнал к походу мог прозвучать в любую минуту, Я. В. Брюс внимательно следил за внешнеполитическими новостями. Так, в письме от 4 июля он извещал Н. И. Репнина: «О шведцком выходе из Саксонии еще не слышел. И сказывают, что будто провианту собирает на четыре месяца и мнят, что вскоре с Цесарем (Иосифом I Габсбургом. – С. Е., Л. М.) войну начнет, понеже четыре полка шведцкие, которые от наших людей выгнаны в Шлонскую землю (Силезию. – С. Е., Л. М.), также поступают тамо, как наперед сего дельывали в Польше. Тако ж есть ведомость, что соединенные войска (антифранцузского союза Англии, Голландии и Австрии. – С. Е., Л. М.) вступили во Францию и осадили город Тулон, в котором превеликое богатство и множество всякого снаряду. А именно, однех пушек больших медных больше 1000. И надеются оный в несколько дней взять, потому что город негораздо крепок. И ежели сие зделаетца, то могут соединенные всю Францию разорить, понеже ни единой крепости до Парижа нет. Того ради, когда такие поступки увидет шведы, то в тотчас разрушат мир с Цесарем. О чем в Вене шведцкие люди дали знать»¹³.

Находясь с Петром I и А. Д. Меншиковым в Варшаве, начальник русской артиллерии информировал генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева о последних известиях: «Сказывают будто швед пошел из Саксонии 10 числа (июля. – С. Е., Л. М.), на три дороги, в Польшу, а от иных слышно, что еще в три месяца не выйдет, иные же подтверждают, что конечно на Цесаря зачнет воевать»¹⁴.

Получив новости о антигабсбургском восстании в Венгрии, Я. В. Брюс извещал наследника престола царевича Алексея Петро-

вича, что его кандидатура рассматривается в качестве кандидата на венгерский престол: «Венгри три особы назначили, из которых хотят себе избрать короля, в котором числе Ваша Царская Высокость, король Август, да королевич Прусской (Фридрих-Вильгельм. – С. Е., Л. М.)»¹⁵.

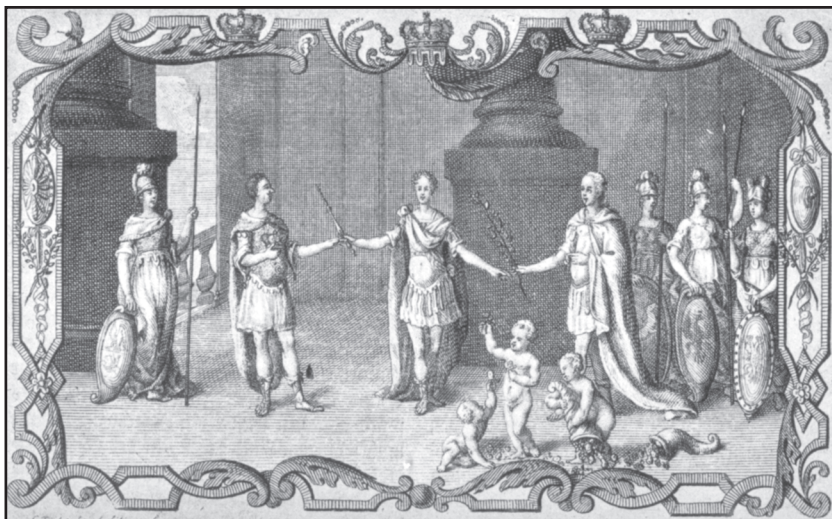
Воспользовавшись тем, что шведы грабят контрибуциями Саксонию (все-го за время оккупации Карл XII умудрился получить от Августа денег, провианта, обмундирования и снаряжения на огромную сумму – 35 000 000 рейхсталеров) и в ближайшее время не собираются ее покидать, русские войска вошли в Польшу и перекрыли две главных операционных линии через Литву (сейчас это территория Белоруси), севернее Полесья и Волынь. Главной оборонительной линией русских в Польше стала река Висла

Карл XII. Художник А. Спарре. 1712 г.

В письмах Я. В. Брюса за 1707 г. обнаруживается новая грань его натуры. Начальник артиллерии показал себя зрелым общевойсковым начальником, военным специалистом широкого плана. Эти новые черты наиболее отчетливо выражены в письмах к главнокомандующему русской армией генерал-фельдмаршалу Б. П. Шереметеву. Получив известие об отступлении русской армии, Я. В. Брюс не смог воздержаться, чтобы не выразить своего негативного к этому отношения, рискуя вызвать недовольствие своего начальника.

В письме от 28 сентября 1707 г. Брюс чуть ли не выговаривает генерал-фельдмаршалу: «А что ваше высочордие о походе своем из Слуцка изволите писать и тому я зело удивляюсь, что без всякие нужды начели издалека уступать и лутчей бы неприятелю, когда нужда придет, голодные места оставлять. А не такие места, как сказывают, около Слуцка обретаются. А ежели то место драгунским полкам прочать, и то еще того дивния будет, ежели без нужды, покинув Вислу, да удалятца от наприятеля так далеко, а ближние [места] около наших рубежей зело было надобно беречь и не голодить до последнего часу. А что нестаточное дело шведу нынешнем временем за Вислу итти, то может, мнитца мне, всяк видет, понеже подлинная ведомость есть, како ко мне пишут из Варшавы 18 дня, что перешло за Одру реку на польские рубежи всего 20 тысяч шведов. А король остался в Шле-

**Аллегорическое изображение Карла XII с союзниками.
Гравюра К. Фритча. Первая четверть XVIII в.**

сии (Силезии. – С. Е., Л. М.), будто для отбирание костелов каталицких и для отдачи оных лютераном. А конечно он смотрит на французскую войну. Того ради возможно видеть, что он вышеписанное число войск послал токмо драгун из Польши. О чем чаю ему давно известно, и в новинках о том явилось, что не хотим стоять и уже отчасти выгнаты. А что оне гораздо б королевского войска удалились, тому я не могу верить. А ежели бы удались вышеписанным числом, чтоб дерзнули за Вислу итти, то, чаю, всяк нам смеятца будет, что мы не дали с ними баталию. А по нынешнему удалению пехоты хотя бы и похотели, то невозможно будет за дальностию того учинить. А ежели бы пехота была в близости, то не чаю, чтоб вышеписанной корпус осмелился итти за Вислу. А хотя бы и перешел, а у нас бы не было охоты к баталии, то бы зело возможно и в то время уступить, а он бы нескоро перепрянул с 80 миль к Слуццку»¹⁶.

Таким образом, Брюс высказывает удивление, что Б. П. Шереметев отступил от Вислы, даже не пытаясь начать боевые действия. И это не было вызвано необходимостью. С 20 тысячным шведским корпусом вполне могла справиться близко стоявшая русская пехота. Даже если бы ее постигла неудача, то врагу достались бы «голодные земли», а не богатые фуражом и продовольствием территории вокруг Слуцка, уцелевшие от войны.

Я. В. Брюс оказался прозорливым человеком. Не прошло и несколько месяцев, как король Карл XII вступив 11 сентября 1707 г. в

Польшу и, избегая фронтальных атак, начал стратегический обход русских войск. Никем не задержанный на замерзшей Висле, в начале января 1708 г. «простыми целесообразными движениями Карл разрушил русские планы задержать наступление шведов на польских речных рубежах»¹⁷. При этом шведы ни разу не вошли в прямое соприкосновение с русскими войсками. Король вытеснил русскую армию из Польши одними лишь маневрами.

Примечательно рассуждение Я. В. Брюса о гренадерских войсках и их значении. В письме Шереметеву от 18 октября он пишет о крайне неблагоприятном состоянии гренадерских рот. Созданные для усиления пехотных полков, они, по существу, оставались «чуждыми» в своих полках. Полковые начальники, в первую очередь, заботились о своих солдатах и мало обращали внимания на гренадер, считая, что у них есть собственные командиры. С учебкой гренадеров тоже не все обстояло благополучно. Отсутствие единой системы обучения приводило к тому, что каждый командир учил гренадеров по той системе, с которой сам был знаком, или которая была ему ближе. В результате этого в русской армии учили гренадеров артикулам «по голландской, бранденбургской и саксонской манере». Брюс рекомендовал выбрать одну из них для обучения. В конце письма Яков Вилимович замечает, что, по его мнению, гренадеры будут только тогда в добром порядке, когда будут сформированы в отдельные гренадерские полки¹⁸.

Идея Брюса была реализована уже на следующий год. В 1708 г. в русской пехоте появились пять гренадерских полков¹⁹.

В течение всего 1707 г. Я. В. Брюс продолжал принимать активное участие в делах своего ведомства, как Приказа артиллерии, так и походной артиллерии. Уже в январе он требует от дьяка Н. И. Павлова срочно прислать подробные ведомости о наличии всей артиллерии, вплоть до находящейся в гарнизонах, а также полные списки личного состава артиллеристов²⁰.

Я. В. Брюс постоянно интересовался запасами пороха и доставкой его «незамедлительно» к армии²¹.

Иностраннный наблюдатель, современник описываемых событий отмечал, что «порох делают в Москве сильный и хороший, кроме тех случаев, когда должностные лица в личных интересах смотрят сквозь пальцы на нарушения в процессе его изготовления»²².

Я. В. Брюс приказывал Н. П. Павлову принимать изготовленный пороховыми уговорщиками порох согласно образцам («у подрядчиков в приеме пороха смотреть накрепко, чтоб оной порох в приемных во всех бочках сходен был з первым опытом, которой есть в Приказе артиллерии»), а также самому, по возможности, присутствовать у его приемки²³. Глава артиллерийского ведомства предостерегал приказ-

ного дьяка от злоупотреблений: «Також слышно здесь, что ты сам долю в подрядах имеешь, о чем тебе паки подтверждаю опасность имети. И, ежели доподлинно сыщется, что ты в подрядах пай имеешь, и тебе всеконечно бедство будет»²⁴.

Начальник артиллерии был возмущен низким качеством пушек, отлитых мастерами Тимофеевым и М. Арполтом, которые оказались «зело внутри криво вылиты»²⁵. Присланные в армию гранаты и пушечные ядра тоже явились «худого литья»²⁶.

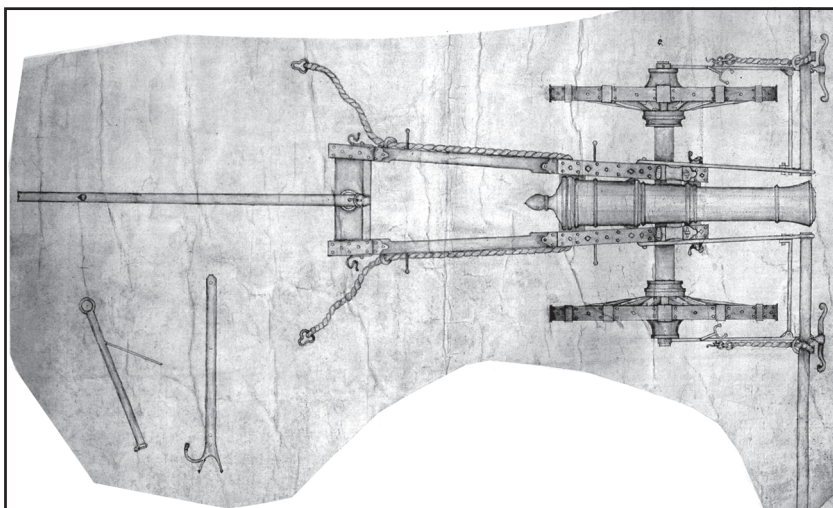
Чтобы повысить ответственность мастеров и приемщиков, Брюс вынужден был прибегнуть к жестким мерам. Он приказал переливать испорченные орудия за счет литцов, а у приемщиков, принимающих бракованные ядра, гранаты и бомбы, вычитать из жалованья, а в особых случаях бить их «долгой плетью»²⁷.

«Ево милость уже нарочито начел в мои дела вступатца» (Противостояние Брюса и Корчмина)

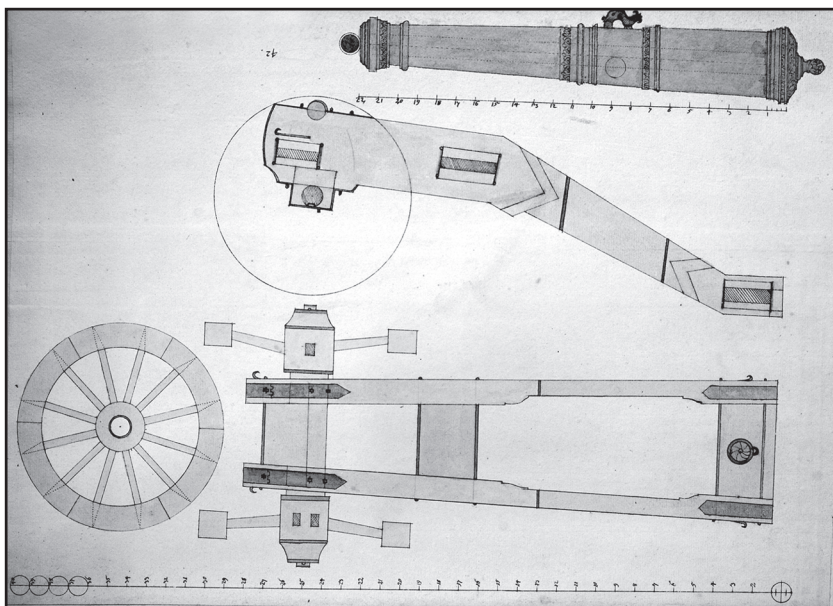
Главный вопрос, который волновал Я. В. Брюса как начальника артиллерии, было состояние лафетов. Многочисленные справедливые нарекания военачальников на их плохое качество заставили Брюса предъявить более высокие требования к изготовлению станок и лафетов на Пушечном дворе. В письмах-распоряжениях к Павлову он неоднократно напоминает, что лафеты к пушкам должны делаться по образцам, присланным из Киева еще в конце 1706 г., а не по чертежу капитана Бомбардирской роты лейб-гвардии Преображенского полка В. Д. Корчмина, на котором колеса значительно ниже²⁸.

Спор между В. Д. Корчминым и Я. В. Брюсом по поводу размеров колес лафетов обусловлен их различным подходом к проблеме повышения боеспособности русской артиллерии. Корчмин стремился всеми мерами облегчить вес системы для того, чтобы сделать артиллерию более маневренной. Брюс, человек широко образованный, прекрасно разбиравшийся в вопросах артиллерийского искусства, безусловно, понимал необходимость увеличения маневренности артиллерии на поле боя. Однако в тот момент он считал главным в повышении ее боеспособности надежность материальной части.

Возможно, и не стоило бы столь подробно останавливаться на конфликте Корчмина и Брюса, если бы первый достойным образом отстаивал свои позиции. Под флером усовершенствования артиллерии, пользуясь симпатией Петра I, впрочем как и все артиллеристы Бомбардирской роты, он вмешивался в дела Приказа артиллерии и даже пытался руководить самим главным начальником артиллерии. Корчмин мотивировал свои действия тем, что он, якобы, располагает указом царя, что не соответствовало действительности²⁹.

Чертеж 3-фунтовой полевой пушки на лафете. Первое десятилетие XVIII в. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. Оп. 15. Д. 41. Л. 34

Чертеж 6-фунтовой полевой пушки на лафете. Первое десятилетие XVIII в. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 27. Оп. 15. Д. 41. Л. 31

В письме от 17 мая Ф. Ю. Ромодановскому Яков Вилимович рассказал о сложившейся ситуации. «Как поехал Царское Величество из Жолкви, то приказал мне ехать в Острог ко артиллерии, при которой чаю нынешнее лето быть. А как я в Острог приехал, застал я тут господина Корчмина, которой просил у меня указ, чтоб в Приказе артиллерии его слушали. И сказал мне, будто имеет о том указ от Царского Величества, и хотел было мне оной показать. И я того указу не смотрел, а сказал ему ежели какой указ имеешь, и ты, приедучи к Москве, объяви князю Федору Юрьевичу для того, что он на Москве управляет. Потом я, подумав немного, попросил того указу посмотреть. Только ж слыша такую от меня отповедь, не показал мне, а чаю для того, что тот указ с ево прошением несходен. И я для того доношу милости твоей, да бы вы о сем были известны. И прошу у тебя, государя, милости, ежели милости твоей какой указ, принадлежащей артиллерии, объявит, пожалуй изволь ко мне список прислать», – сообщил Брюс князю-кесарю³⁰.

Я. В. Брюс был так расстроен и оскорблен поведением В. Д. Корчмина, что вынужден обратиться за разъяснением к князю А. Д. Меншикову. «Прошу всеуниженно вашего сиятельства, – писал он царскому фавориту, – дабы изволили уведомитца о том и ко мне пожаловали б отписали, есть ли у него какой указ от Царского Величества до артиллерии надлежащей, чтобы мне неведанием не пострадать. А ево милость (Корчмин. – *С. Е., Л. М.*) уже нарочито начел в мои дела вступатца. Како я из ево слов слышал. Також прислал ко мне на другой день моего приезда письмо не просительное, но повелительное о присылке к нему одного из дворян, которой приставлен к артиллерийским лошадям, чего я учинить не мог. И впредь не буду делать. Разве буду отдан ему под команду»³¹.

Получив распоряжение готовить Москву к обороне от шведов, В. Д. Корчмин отправился в столицу, где развернул кипучую деятельность. Он явился к князю-кесарю, которому также не показал царский указ. По словам Ф. Ю. Ромодановского Корчмину было «велено... артиллерию описать и осмотреть, и чево каких припасов мало, приполнить; ему ж велено Кремль и Китай (город. – *С. Е., Л. М.*) починять и совсем управлять, как обычай к военному делу»³².

По приказу Корчмина с железных заводов Нарышкина и Меллеров в Москву стали свозить боеприпасы «годные и негодные, старого и нового литья»³³ (против чего так боролся Я. В. Брюс).

Кроме того, для строительства новой земляной крепости в Китай-городе между Спасских и Накольских ворот Корчмин стал забирать с Пушечного двора различный шанцевый инструмент (лопаты, кирки, ломы, мотыги и пр.), припасенный для нужд артиллерии³⁴.

Дьяк Приказа артиллерии Н. П. Павлов писал Брюсу: «Василий Дмитриевич Корчмин афицеров бомбардирских, пушкарей и мастеровых людей, которые обретаются на Москве, по имянному списку пересмотрел. И по ево приказу господин Шперрейтер, да инженер Гран, да Леонтий Магницкий, которой учителем на Сухаревой башне, с ним обрисовали Кремль и Китай город для того, что ему те оба города велено осматривать и укреплять, где пристойно, поставить по ним пушки. И под которыми медными и чугунными пушками и мортиры станков нет, приказал тотчас сделать з задними колесы. И ныне те станки делают с великим поспешением. И по ево приказу наряжены к нему на двор 4 человека бомбардиров с шпаги, из Верхней школы 4 человека учеников, да по 2 человека подъячих»³⁵.

В связи со строительством новых фортификационных укреплений началось настоящее разорение Нового пушечного двора. Там по приказу Корчмина сносили «учительные школы и всякие мастерские избы, и анбары, и сараи, в которых были положены всякие артиллерийские и иные припасы»³⁶. На время прекратились занятия в Артиллерийской школе.

Я. В. Брюс совместно с Н. П. Павловым принял энергичные меры для восстановления Пушечного двора и складов. Временно часть амбаров была переведена на Полевой пушечный двор к Красному пруду³⁷. Под новую застройку артиллерийское ведомство получило также часть Суздальского подворья и двор окольничего М. В. Собакина³⁸.

Совсем уж мелкой мезтью начальнику артиллерии, сумевшему отстоять свои права, выглядит распоряжение В. Д. Корчмина «отломать» крыльцо у Приказа артиллерии по самый «рундук, что у сенных дверей». Вероятно, таким образом «талантливый фортификатор» намеревался превратить Приказ в неприступную для шведов крепость³⁹.

Возможно, именно за поддержкой от Корчмина начальник артиллерии обращается в таинственном письме к царскому любимцу (а может быть, и сводному брату государя) И. А. Мусину-Пушкину. «Дерзнул вашего высокородия просити о нужде своей, которая за нещастием моим на Москве учинилась. О чем милости вашей донесет капитан Брылкин, чего зазорюсь писать. Того ради прошу вашего высокородия, дабы пожаловали онаго капитана доношение выслушали и аще ли возможно по его прошению милостивое решение по желанию моему учинили», – писал Брюс боярину в ноябре 1707 г.⁴⁰

Ссора с Корчминым и далеко не простые отношения с другими привилегированными лицами из царского окружения очень усложняла и без того трудную обстановку, в которой приходилось действовать Я. В. Брюсу. Готовясь к походу в Литву, Яков Вилимович был вынужден постоянно заниматься производством и распределением

артиллерийских припасов. Пытаясь спасти военные запасы своего ведомства в Москве «от разорения», он резко ограничил доступ к ним начальников различных рангов. Еще 29 марта он отдал распоряжение в Приказ артиллерии, категорически запрещающее отпускать какие-либо припасы без его ведома⁴¹.

«По письмам полковничьим без моего ведома никаких припасов отпускать не вели»⁴², – писал он Н. П. Павлову. В августе Брюс требовал от дьяка еженедельных отчетов о приходе и расходе артиллерийских припасов и денежной казны.

«Принуждены в тесноте как свиньи лежать»

Много сил и энергии пришлось затратить главному артиллерийскому начальнику, чтобы обустроить артиллеристов на зимних квартирах и создать им сносные условия быта.

Я. В. Брюс был одним из немногих военачальников XVIII в., которые относились к простому солдату не как к «пушечному мясу». Датский посланник при русском дворе Георг Грунд писал о петровских солдатах: «В России еще не научились ценить человека, а часто относятся к нему хуже, чем к лошади, и люди тысячами падают и погибают от нехватки провианта»⁴³.

Приехав в Борисов, Брюс уведомил светлейшего князя А. Д. Меншикова о том, что квартиры «зело скудны и разорены» и провиант вынуждены доставлять из Минска, отстоящего от Борисова в 14 милях. От этого изнемогают артиллерийские лошади и в дальнейшем от них «мало пользы будет»⁴⁴.

Артиллеристы были размещены вместе с пехотными полками под командованием бригадира И. Ю. Бутерера. Поскольку Я. В. Брюс задержался с приездом, то пехотные полки, не исключая малозначительные подразделения, получили лучшие квартиры и территории для сбора провианта и фуража. Борьба с Бутерером, который «всякие дела по своему гнет», и с полковником М. Б. Шереметевым, сыном генерал-фельдмаршала, была ожесточенной, о чем свидетельствует переписка Брюса с их начальником Б. П. Шереметевым.

В одном из писем Я. В. Брюс сообщает, что «зело худы квартиры отведены пушкарям» и приводит слова своего заместителя полковника И. Я. Гинтера, который, если не возможно будет сыскать иных квартир, «хочет в поле выйти и зделать землянки стоя, о чем мне не мало печально есть, что оно так изобижено при солдатах». «Того ради прошу вашего благородия, – с горечью пишет Я. В. Брюс, – когда какой подвиг войску вновь будет, дабы к пушкарям милость явить и оные квартиры понарочитей отвести. Понеже бо оные в чинах государевых в квартерах и в иных порядках рангы всегда перед пехотою имеют»⁴⁵.

Интересно, что в этой переписке с Б. П. Шереметевым Брюс впервые называет артиллерийское подразделение «Артиллерийским полком»⁴⁶.

В одном из писем к Г. И. Головкину артиллерийский начальник сетовал: «Зело, государь, мне слышать печально, что пушкарей квартерами забидели, тако что принуждены в тесноте как свиньи лежать. Того ради прошу вашего превосходительства да явити милость к оным, пожалуйте, повелите им хотя малую заботу в квартерах дать. Понеже вашему высокородию известно, что в иных государствах оные перед пехотою ранг всегда в квартерах имеют»⁴⁷.

Заботясь о своих подчиненных, Я. В. Брюс приказал «всегда над бомбардирами и над пушкари и над протчими служители смотреть чтоб себя в пьянстве не имели». Из шкур забитых волов по его распоряжению изготовили «штеблеты для зимняго походу, а из овчин и из козлин... пушкарям и протчим служителям... душегрейки», а к празднику Рождества Христова начальник артиллерии приказал выдать на каждого человека по 20 фунтов мяса и по 2 фунта масла⁴⁸.

**Генерал-фельдмаршал
Б. П. Шереметев. Художник
И. П. Аргунов. 1753 г.**

«Переменил я звезду» (Научные занятия Я. В. Брюса)

Несмотря на массу каждодневных и очень важных дел, Я. В. Брюс не оставлял своих научных занятий. Он продолжал разрабатывать конструкции различных зарядных камер для гаубиц и мортир, рассчитывая наиболее рациональный вес порохового заряда. «Что принадлежит масштаба, – писал он Петру I, – и я оной сделал токмо цилиндрические камеры вымерять. А ежели иная какая явится, то надлежит оною во цилиндрическую превратить. И тем масштабом вымерять таким обычаем, како описание при том масштабе положенное являет. Ежели Ваше Величество да не имеет порохового масштаба, которым вымеряется колико пороха в бомбу, також и в сферическую камеру входит, и я такой в тот час сделаю и пришло к Вашему Величеству»⁴⁹.

В другом письме Петру I начальник артиллерии писал: «При сем

до Вашего Величества послал я два образца о превращение камеров. Един, как из цилиндрической сделать, коносферическую, а другой како из коносферической зделать цилиндрическую, обе по масштабах, а каким такую пропо[цию], как Ваше Величество, мне изволили чертеж пожаловать. А каким правилом сие доли сыскивать, о том надлежит зело пространно писать. Того ради ныне оное оставлю до того время, как Бог мне щастия даст очи вашего величества видети»⁵⁰.

В октябре 1707 г. Я. В. Брюс посылает государю «фонтанную трость» («которую изволили у меня в квартире видеть, будучи в Варшаве») и пытается уговорить поступить на русскую службу мастера ее изготовившего⁵¹.

По распоряжению царя Я. В. Брюс занимается переводом на русский язык книги «Приемы циркуля и линейки или избраннейшее начало во математических искусствах». По завершении перевода Брюс намеревался лично привезти книгу Петру I. Однако, судя по письму А. Д. Меншикову, Яков Вилимович не смог лично вручить рукопись государю и послал перевод книги с почтой в декабре 1707 г.⁵²

Вероятно, для работы над переводом начальник артиллерии попросил Н. П. Павлова прислать ему «на латынском и словенском и греческом языках Алексикон (Лексикон – словарь. – С. Е., Л. М.)»⁵³.

По окончании этой работы Я. В. Брюс планировал приступить к переводу книги И. З. Бухнера «Учение и практика артиллерии» («також и книгу Бухнерову, по переводе вышеписаной, исправлять буду»)»⁵⁴.

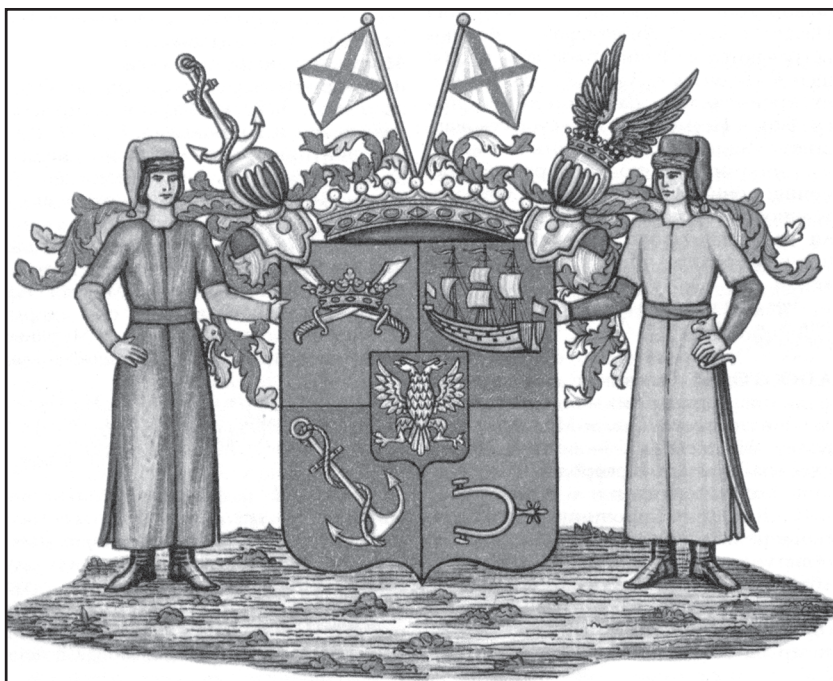
По поводу некоей «математической книги», присланной ему Петром, Брюс высказался, что «та изрядная, только от части узловата есть, а писано в оной об оптике, или зрительном художестве, отчасти о астрономии, також о хронологии, то есть о время ведание, и пространно о гномонике или о делание солнечных часов»⁵⁵.

Не забывал Я. В. Брюс и о своих астрономических занятиях. Он просил Н. П. Павлова прислать ему «трубу зрительную, буде не сыщешь большую, малую б хотя»⁵⁶.

«Зрительная трубка» была приобретена для Брюса за 1 рубль 1 алтын и 5 копеек у армян, которые заверили, что она английской работы («а сказывают, что она аглинская»)»⁵⁷.

Генерал-адмирал
Ф. М. Апраксин. Неизвестный
художник первой половины
XVIII в.

Герб рода Апраксиных

В декабре 1707 г. царь поручил Я. В. Брюсу рассмотреть и внести исправления и дополнения в проект герба генерал-адмирала Ф. М. Апраксина. И с этим поручением будущий генерал-фельдцейхмейстер успешно справился, показав себя сведущим специалистом в области европейской геральдики.

«В гербе я токмо цветы, которых много разных было в полях, – писал Я. В. Брюс, – да едину из фигур переменял, а именно, поставлен был корабль белый в желтом поле. И понеже белое значит також серебро, а желтое золото, которые оба металла суть. А по искусству геральдическому надлежит в гербе металл на металл ставить, кроме украшения около гербов, в чем силы нет. Того ради я желтое поле отставил и написал таков же серебряной корабль в синем поле. Також отставил я вишневое поле, на котором был якорь поставлен, а написал я он в таком же поле, как и корабль, потому что якорь х кораблю належит. Також и для регулярства, понеже сие оба поля наось в прямой лине стоят. Сверх того редко употребляется вишневой цвет в гербах, потому что оной цвет якобы неестествен сам в себе, но сочинен из красного и синего цвета. Из фигур переменял я звезду, понеже оных

никогда в правильных гербах употребляют, кроме того, что под старшим другой моложе́й брат одное фамилии, таким знаком отделяется и ставится оной знак при других фигурах и то неподлинно такую звездою, яко сия о семи лучах. Но употребляется о пяти субцах, которые называют колесцом из сапожной остроги. Того ради я такое острожное колесцо о пяти субцах написал, а вовсе онаго оставить не посмел, потому что не ведал какую фигуру без воли Вашего Величества, вместо того написать. А поставил я оною в красном поле для того, что против ее наось стоящая фигура в таком же поле. Також разделил я щит главнейшей золотым, а не серебряным крестом (ибо оный вящею честь являет) яко Ваше Величество из рисунка лучшей [ви]деть может»⁵⁸.

Как следует из письма, Яков Вилимович выступил и в качестве рисовальщика, послав царю рисунок-эскиз герба.

По мере возможности Брюс продолжал вникать в дела Гражданской типографии в Москве. В июльском письме заведующему типографией В. О. Киприянову он приказал прислать по несколько экземпляров каждой из напечатанных гравюр. С «образцовых» (ненапечатанных) необходимо было сделать «абрисы для лутчего исправления» и также направить их начальнику артиллерии. В свою очередь, Киприянов просит своего патрона защитить типографию от каких-то претензий аптекаря Данилы Турчанина⁵⁹.

«Гораздо весело будет жить»

В 1707 г. Я. В. Брюс смог наконец-то встретиться с любимой супругой Марфой Андреевной. Пользуясь затишьем на театре военных действий, он пригласил жену приехать в Жолкву. Путешествие продолжалось довольно долго из-за того, что она «в Калуге заскорбела (заболела. – С. Е., Л. М.)» и, даже, посылала к Москве за доктором»⁶⁰.

В конце января 1707 г. генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев отдал командирам полков распоряжение оказывать М. А. Брюсу содействие в поездке, выделять ей лошадей и провожатых. В феврале супруги наконец-то встретились.

Забываясь о перенесшей болезнь супруге, Я. В. Брюс приказал прислать из Москвы «зенчилинц (женьшеня. – С. Е., Л. М.) 2 фунта, которое привозят из Сибири». При этом Яков Вилимович не считался даже с высокой ценой чудодейственного корня. «А преж сего такое коренье в покупке было фунт по 20 рублей, а ныне ежели по той цене не сыщешь, то хотя и дорожей купя, и всеконечно, присылай не умедляв»⁶¹, – писал он дьяку Павлову.

Спустя некоторое время, Я. В. Брюс просит прислать по 3 фунта чаю и кофе, для него же было приобретено 2 пуда «кенарского» (канарского) сахара⁶².

В начале октября 1707 г. Я. В. Брюс направился на «зимние квартиры» в Борисов, стоявшей на берегу р. Березины – еще одном водном рубеже, где планировалось сдерживать шведское наступление. «Я сего числа приехал в Минск и получил указ от господина фельдмаршала идти в Борисов город, где будет артиллерия обретаться»⁶³, – сообщал Яков Вилимович князю А. Д. Меншикову.

В аналогичном письме Н. И. Репнину начальник артиллерии писал: «И я, день спустя, побреду в оное место, которое не лутчей деревни московской»⁶⁴. В письме князю В. В. Долгорукому Я. В. Брюс дает меткое ироническое определение своей новой квартире: «Сказывают – оное второй Париж и гораздо еще лучшей нашего славного города Клина»⁶⁵.

Благодаря переписке Я. В. Брюса, а также письмам Марфы Андреевны к родственникам, мы можем узнать некоторые подробности их жизни на зимних квартирах, а также получить представление о гардеробе супругов.

Извещая сестер о своем приезде в Борисов, Марфа Андреевна просит прислать из своего московского дома рысью шубу под бархатом, собольи пластинчатые меха, серебряные нашивки, венгерскую соболью шубу под бархатом, беличью венгерскую шубу под алым сукном⁶⁶. В других письмах она заказывает 32 пуговицы, 26 петель больших, 6 малых, булавок, лент алых и лазоревых, алого флеру с зубчиками⁶⁷.

Для изготовления шлафрока Брюс просит Н. П. Павлова приобрести высококачественного беличьего меха. Из Москвы Брюсу присылают белый парик, пистолеты, завесы китайские, 9 аршин красного «понсового» сукна. Подьячий Прохор Трофимов преподнес своему начальнику «клинок шпажный»⁶⁸.

Из Кенигсберга Я. В. Брюс выписал удобную коляску. Для своего домашнего обихода он просил прислать из Москвы «ренскова две бочки ис пряных, только чтоб было не кисло, ценою не свыше 30 рублей бочку»⁶⁹. Вторая коляска и некая книга были приобретены для Брюса у князя Б. И. Куракина, отправлявшегося с дипломатической миссией в Ватикан⁷⁰.

В конце октября Брюс заказывает (неизвестно, для себя или для супруги) в Москве лекарство, о чем пишет Н. П. Павлову: «По посланной росписи, пожалуй, прикажи в верхней в аптеке или у Ивана Григорьева сделать лекаство четвертую долю. И ежели оная доля станет ценою ниже пяти рублей, то прикажи сделать хоть оных в 1/2 доли. А что оное мне надобно просто в аптеке сказывать не для чего. И ежели тебе свободно, пожалуй, сам за оным походи или прикажи Трофимову. А сделав, положи в удобное влагалище, пришли сюда чрез почту без замедления, понеже в оном имею немалую нужду»⁷¹.

**Светлейший князь
А. Д. Меншиков.**

**Неизвестный художник первой
четверти XVIII в.**

Надо полагать, что Я. В. Брюс был сведущ в лекарственных средствах. Вероятно, он порекомендовал А. Д. Меншикову, страдавшему легочной болезнью, принимать лекарственную водку, и даже сам заказал ее в Москве. «При сем письме, – писал Н. П. Павлову, – посланное от меня письмо в Немецкую слободу отвези сам и отдай тетке моей по подписке неумедля. И которую лекарственную вотку по оному письму она тебе отдаст, ежели похощет, заплати ей деньги, положи их в два или в три ящика, и чтоб не раздавилась склянка, сюда в поход с письмом сиятельнейшего господина (А. Д. Меншикова. – *С. Е., Л. М.*) пришли чрез почту. И чтоб их довесть в [целости бы] положи сена, понеже оные возки надобно ко употреблению его сиятельству.

А что они надобны ему, только отнюдь одного не сказывай»⁷². Дьяк выполнил распоряжение, «обертя в пенку и учредя в деревянный ящик, послал» «водки скляночку круглую»⁷³.

Следует отметить и большую любовь Я. В. Брюса к лошадям. Действительно во многих письмах начальник артиллерии отдает своим подчиненным различные поручения, связанные с покупкой, обменом и лечением его собственных лошадей. Хорошая лошадь поднимала престиж владельца среди генералитета, высших офицерских чинов и польских магнатов. Брюс старался, чтобы его конюшня состояла только из породистых и холеных лошадей.

Узнав, что купленный им жеребец приведен в Москву «гораздо хвор и несытен», Яков Вилимович спешно отправил инструкцию по его лечению. В ней явно прослеживается широкий кругозор этого человека, разбирающегося даже в ветеринарии. «Антимонию и селитры взять поровну и, истолча, просеять, дабы мелко было, и смешать хорошенько вместе. Потом взять горшок немалой, дабы та материя токмо половину одного заняли. Потом бросить на оную материя горящей уголь, от чего материя загорится, и пойдет дым великой, которого дыму беретца надлежит. А как перестанет гореть, то, простудя, истолочь намелко и давать одного порошка лошади по семи золотников на тощей живот чрез день недели з две. Вышеписанную материя над-

лежит на дворе жечь и, усмотрев с какой стороны ветер, с той стороны и человеку зажигающему стать, дабы ему дым в нос не попал. Ежели надеяться можно, что горшок крепок, то возможно оной покрыть доскою железною»⁷⁴, – писал он своим подчиненным.

Я. В. Брюс старался поддерживать дружественные отношения с властью предержавшими и особенно с находящимися в царском фаворе сподвижниками Петра I.

Почти раболепным письмом он поздравляет светлейшего князя А. Д. Меншикова с пожалованием ему «княжества Ингерманландцкого»⁷⁵. Ко дню именин князя он отправляет в его ставку полковника И. Я. Гинтера с отрядом артиллеристов, запасом пороха и снаряжением для устройства фейерверка. При этом Брюс подробно расписывает, что необходимо приготовить, каких размеров и в каком количестве⁷⁶. Через некоторое время Я. В. Брюс сам отправляется поздравить светлейшего с именинами⁷⁷.

Яков Вилимович в единственном сохранившемся в деле письме брату Роману Брюсу за 1707 г., пытаясь отвести от него гнев светлейшего и самого царя, советует: «Давай письменную ведомость, сколь часто можешь, ко князю (Меншикову. – *С. Е., Л. М.*) о строение городовом, коликое ево прибудет, тажкож бы о состоянии о городе государева и княжова двора»⁷⁸.

В 1707 г. всесильный князь-кесерь Ф. Ю. Ромодановский был потеснен в своих полномочиях московским комендантом М. П. Гагариным, в компетенцию которого попала и московская артиллерия. В подарок Гагарину начальник артиллерии послал венгерского вина самого высокого качества, «что и во всей Польше лутчи оно не сыскано»⁷⁹.

К Я. В. Брюсу постоянно обращались за помощью, искали его дружеского расположения. Адмиралтейц-советник А. В. Кикин назвал Якова Вилимовича в письме «милостивым и верным другом»⁸⁰. Князь А. И. Волконский просит о заступничестве «ежели о мне будут какая слова говорить»⁸¹. Ф. Ю. Ромодановский обращается к Я. В. Брюсу с просьбой похлопотать о назначении сына полковником⁸². «В правде моей не оставь мя», – пишет Якову Вилимовичу обер-инспектор Ратуши А. А. Курбатов. «Инде же мое, за что стражду, не обретаю, но оглашен чрез ненавидящих правду»⁸³, – продолжает он. В ответном письме Я. В. Брюс осторожно советует болтливому обер-инспектору поменьше вести откровенные разговоры в разных компаниях, особенно, где говорят об А. Д. Меншикове. «Мы здесь воистинно без вашей милости с скуке и якобы в унынии пребываем, потому что сойтитца не с кем»⁸⁴, – пишет Брюсу русский посол в Польше дьяк Емельян Украинцев.

Следует отметить, что Я. В. Брюс старался оказать в меру своих сил и возможностей поддержку просителям. Когда же он понимал, что его вмешательство бесполезно, то советовал корреспонденту лично обратиться к государю или князю Меншикову.

В кратком обзоре писем Я. В. Брюса мы не можем осветить все стороны его многогранной деятельности. Хочется лишь заметить, что сегодня, почти 300 лет спустя, многое видится иначе. Наши оценки, как бы мы не пытались приблизиться к реальной обстановке, во многом остаются субъективными, в то время как письма Брюса – источник объективный.

¹ См. например: История Северной войны 1700–1721 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1987. С. 69–71.

² Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 224.

³ Возгрин В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986. С. 157–170.

⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т. V. С. 5. См. также: Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1882. Вып. 1 (Северная война. Документы 1705–1708 гг.). С. 167.

⁵ Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990. С. 26.

⁶ Гербильский Г. Ю. Русско-польский союз и Жолковский стратегический план // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сборник статей. М., 1959. С. 64–66.

⁷ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 2. Оп. 1. Д. 33. Л. 56–57 (далее Архив ВИМАИВиВС).

⁸ Там же. Л. 60–60 об.

⁹ История Свейской войны. Первая редакция // История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Составитель Т. С. Майкова, под общей редакцией А. А. Преображенского. Т. 1. М., 2004. С. 134.

¹⁰ Тельпуховский Б. С. Северная война 1700–1721 гг. Полководческая деятельность Петра I. С. 58–59; Гербильский Г. Ю. Русско-польский союз. С. 84; История Северной войны 1700–1721 гг. С. 69–70.

¹¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. V. СПб., 1907. С. 5, 195.

¹² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 33. Л. 98–98 об.

¹³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 33. Л. 196.

¹⁴ Там же. Л. 70–71.

¹⁵ Там же. Л. 17–17 об.

¹⁶ Там же. Л. 81–82.

¹⁷ Стиле А. Карл XII как стратег и тактик в 1707–1709 гг. / Пер. со шведского А. Полтаракского, с предисловием С. Платонова. СПб., 1912. С. 11.

¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 33. Л. 98–98 об.

¹⁹ Военная энциклопедия / Под ред. Сытина. Т. 8. СПб., 1912. С. 483–484.

²⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 33. Л. 728.

²¹ Там же. Л. 33–33 об, 206, 593, 747–748, 758–759, 764.

²² Россия в начале XVIII в. Сочинение Ч. Уитворта / Перевод Г. Г. Беспярых, статья и комментарии Ю. Н. Беспярых. М.; Л. 1988. С. 89.

²³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 33. Л. 764–764 об.

²⁴ Там же. Л. 797.

²⁵ Там же. Л. 755–756.

²⁶ Там же. Л. 752.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 731 об., 743–736, 743–744.

²⁹ Там же. Л. 31–32.

- ³⁰ Там же. Л. 247.
³¹ Там же. Л. 31, 32.
³² Там же. Л. 336 об.
³³ Там же. Л. 654.
³⁴ Там же.
³⁵ Там же. Л. 645–645 об.
³⁶ Там же. Л. 629 об.
³⁷ Там же.
³⁸ Там же. Л. 692.
³⁹ Там же. Л. 695 об.
⁴⁰ Там же. Л. 259.
⁴¹ Там же. Л. 741.
⁴² Там же. Л. 767.
⁴³ Грунд Г. Доклад о России в 1705–1710 годах // Перевод, статья и комментарии Ю. Н. Беспярых. М.; СПб., 1992. С. 104.
⁴⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 33. Л. 42.
⁴⁵ Там же. Л. 175.
⁴⁶ Там же. Л. 91–92, 101 об. 102, 295, 301, 303, 340, 429.
⁴⁷ Там же. Л. 176 об.
⁴⁸ Там же. Л. 277–279.
⁴⁹ Там же. Л. 11–11 об.
⁵⁰ Там же. Л. 9–9 об.
⁵¹ Там же. Л. 9 об.–10.
⁵² Там же. Л. 2–2 об. Л. 55.
⁵³ Там же. Л. 735.
⁵⁴ Там же. Л. 7.
⁵⁵ Там же.
⁵⁶ Там же. Л. 735.
⁵⁷ Там же. Л. 544
⁵⁸ Там же. Л. 16–16 об., 11–11 об.
⁵⁹ Там же. Л. 551, 552 об., 550.
⁶⁰ Там же. Л. 458.
⁶¹ Там же. Л. 742.
⁶² Там же. Л. 703, 743, 774.
⁶³ Там же. Л. 41.
⁶⁴ Там же. Л. 200.
⁶⁵ Там же. Л. 200 об.
⁶⁶ Там же. Л. 514–514 об.
⁶⁷ Там же. Л. 576, 578.
⁶⁸ Там же. Л. 774, 738 об, 656, 542.
⁶⁹ Там же. Л. 784.
⁷⁰ Там же. Л. 421.
⁷¹ Там же. Л. 777.
⁷² Там же. Л. 762.
⁷³ Там же. Л. 679.
⁷⁴ Там же. Л. 418–419 об.
⁷⁵ Там же. Л. 35.
⁷⁶ Там же. Л. 48–49.
⁷⁷ Там же. Л. 577.
⁷⁸ Там же. Л. 224.
⁷⁹ Там же. Л. 257.
⁸⁰ Там же. Л. 456
⁸¹ Там же. Л. 264.
⁸² Там же. Л. 223–224.
⁸³ Там же. Л. 349, 353 об.
⁸⁴ Там же. Л. 368.
⁸⁵ Майкова Т. С. Проект инструкции для полготовки к изданию «Писем и бумаг императора Петра Великого» // Проблемы источниковедения. Т. IX. М., 1961. С. 439–465.